

Scientific public organization
PROFESSIONAL SCIENCE

**Materials of the I international
research and practice conference**

**Relevant theoretical and
practical aspects of modern
science of languages**

April 30th , 2016

Los Gatos (CA), USA

www.scipro.ru

UDC 8
LBC 80/83

R 41

Editors:
N.A. Krasnova, T.N. Pleskanyuk

Relevant theoretical and practical aspects of modern science of languages: materials of the I international research and practice conference April 30th, 2016, Los Gatos (CA), USA: Scientific public organization “Professional science”, 2016. 42 p.

ISBN: 9781311109866

The collection of materials of the I international research and practice conference “Relevant theoretical and practical aspects of modern science of languages”, April 30th, 2016 is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://www.scipro.ru>.

UDC 8
LBC 80/83

ISBN: 9781311109866

Editors N.A. Krasnova, T.N.
Pleskanyuk, 2016

Article writers 2016

Sole proprietorship N.A. Krasnova,
2016

CONTENTS

JOURNALISM.....	4
Naumova I.A. Russian folk tales as a source of precedent phenomena in mass media discourse of Russia	4
LINGUISTICS	12
Litvinchuk I.N. Interpretation of emotive texts in the context of the Russian language acquisition.....	12
RUSSIAN LANGUAGE	18
Pleskanyuk T.N. Different-rooted (one-model) derivational sequences as a form of textual connectivity.....	18
Posidelova V.V. Features of substandard vocabulary and its functioning in the Russian language	25
GERMANIC LANGUAGES	29
Dordzhieva E.V. The pragmatic effect of general questions with the direct word order in English.....	29
Krylova N.V., Melnikova A.I. Sound Symbolism in Walt Whitman's and Stephen Crane's Civil War Poetry	32
Tatarnikova I.V., Sheremeteva E.V. French toponyms as the reflection of interlanguage contact in the state of Louisiana.....	35

UDC 81'27:81'373.2

Naumova I.A. Russian folk tales as a source of precedent phenomena in mass media discourse of Russia

Русская народная сказка как сфера-источник прецедентных феноменов в дискурсе российских СМИ

Naumova Irina Alexandrovna
Chelyabinsk state university, Chelyabinsk
ira_naumova@mail.ru

Наумова Ирина Александровна
Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Abstract. The article is aimed at consideration of Russian folk tales as a source of precedent phenomena in mass media discourse of Russia. The pragmatic opportunities of the precedent proper names of Russian folk tales, fairytale attributes nominations, fairytale plots and texts are analysed.

Key words: precedent phenomenon, precedent proper names, Russian folk tales, mass communication (mass media).

Аннотация. В статье рассматривается русская народная сказка в качестве источника прецедентных феноменов для публикаций российских средств массовой информации. Анализируется прагматический потенциал использования прецедентных имен собственных из русских народных сказок, номинаций сказочных атрибутов, сюжетных линий и текстов русских народных сказок.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентное имя собственное, русская народная сказка, массовая коммуникация.

Лингвистика рассматривает прецедентность как процесс отражения в тексте культурной национальной традиции в оценке и восприятии исторических событий, мифологии, литературы, произведений устного народного творчества. С точки зрения когнитивного подхода, исследователи констатируют, что прецедентность отражает одну из сторон в осмыслении широко понимаемого феномена интертекстуальности, связанную с выявлением национально-культурной специфики коммуникации посредством анализа элементов, составляющих инвариантную общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов [3, с. 27].

Родоначальником термина «прецедент» («прецедентный текст») принято считать Ю. Н. Караулова, который определял данные феномены как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Ю.Н. Караулов

также говорит о «хрестоматийности» прецедентных текстов, так как любой говорящий на данном языке знает их содержание. Это определение совершенно точно соотносится с текстами русских народных сказок, рассматриваемых в данной работе в качестве источников прецедентности.

Принимая во внимание всю значимость многочисленных исследований в плане функций прецедентных феноменов В.В. Джанаевой (2005), О.А. Ворожцовой (2006), А.Б. Зайцевой (2006), Пучковой Е.В. (2013) и др., мы согласимся с тезисом А.П.Чудинова о том, что «использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст» [6, с. 62].

Для современного дискурса СМИ характерно использование большого количества прецедентных феноменов, среди них высокую активность проявляют прецедентные феномены из текстов русских народных сказок. Сами тексты сказок мы определяем как прецедентные вслед за Л.Ю. Подручной, которая отмечает, что «народная сказка в полной мере соответствует понятию «прецедентный текст», глубоко и всесторонне отражает весь комплекс черт, характерный для русского культурного социума и составляющий основу его менталитета» [4, с.40].

Русская народная сказка является одним из богатейших источников прецедентных имён для российских средств массовой информации. В ней находит отражение вековой духовный опыт русского народа, сила и удаль национального характера. В сказке концентрируется мудрость в рамках относительно короткого текста, на страницах которого герои проживают порой значительный период своей жизни, преодолевают трудности, делают выводы, приходят к осознанию какой-либо морали. Большинство русских сказок дают человеку ответы на вопросы, утешение и уверенность в том, что все невзгоды преодолимы, в итоге зло будет повергнуто и наказано, а добро - вознаграждено.

Сказки – один из самых распространенных, практически универсальных фольклорных жанров. Сказка является своеобразной историей и сокровищницей народной мудрости. Как проявление народной культуры, сказка содержит в себе специфичные для каждого этноса сюжеты, образы и ситуации, что находит выражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, месте действия, в самобытных традиционных языковых формулах. Сказочные сюжеты, образы и ситуации, имеющие разное национально-специфическое оформление, повторяются от поколения к поколению, интерпретируются народами, что делает их универсальными прецедентами, т. е. известными любому современному индивиду. Именно универсальность фольклорной сказки как жанра составляет то общее, на фоне которого особенно наглядно предстают национально обусловленные различия в мировосприятии [1].

Высокая частотность обращения СМИ к именам собственным главных героев русской народной сказки в качестве прецедентных связана с наличием в сознании реципиентов прочных ассоциативных связей с психологическими и

физическими характеристиками сказочных персонажей.

В иронической тональности описываются некоторые участники российских ток-шоу. В качестве сравнения используется прецедентное имя *Баба-Яга*, которое определяется как «один из главных персонажей русских народных сказок, уродливая, злая и коварная старуха, обладающая большой колдовской силой» [5, с. 855] удостаиваются женщины, героини ток-шоу, которые выносят на всеобщее обозрение свою неудавшуюся личную жизнь, пытаются спекулировать своим несчастным положением (а может, не таким уж и несчастным), по сути являют собой коварство, несмотря на то что имеют внешние атрибуты привлекательности и нежелание мириться с действительностью. Ср.:

"Наибольшее оживление вызовет Баба-яга. В короткой юбке, на высоких каблуках (она в лесу смотрит «Модный приговор» по спутниковой антенне). Сделавшая круговую подтяжку Яга бесстрашно и кокетливо расскажет, как Дед обещал жениться, пил, бил и бросил её, оставив в избушке всего-навсего на одной куриной ножке!" (В. Коклюшкин, «Доигрались!», 10/12/2014, <http://www.aif.ru/>).

Сравнением с американским миллиардером Марком Цукербергом, который в качестве акта благотворительности раздаёт акции своей кампании, удостаиваются некоторые российские предприниматели, которые ведут себя аналогичным образом и раздают часть своей продукции бесплатно. Ср.: *«Аленушка» и братец ее Марк Цукерберг»* (Г. Агишева, 04.12.2015., <http://www.trud.ru/>). В данном заголовке статьи мы видим обращение к названию прецедентного текста - русской народной сказке «Алёнушка и её братец Иванушка». Первый компонент заголовка совпадает по форме с эргонимом «Алёнушка», который имеет номинативно-выделительную и эстетическую функции. Часть второго компонента заменена на имя собственное Марк Цукерберг, которое в свою очередь тоже является прецедентным именем. В совокупности перед читателями появляется заголовок с двумя прецедентными единицами, который приоткрывает содержание статьи о благотворительной деятельности владельца хлебного магазина «Алёнушка».

При описании и анализе социально-психологических явлений в российском обществе нередко можно наблюдать обращение к такому прецедентному имени, как *Царевна-Несмеяна*, сказочному персонажу, у которого нет положительных эмоций к окружающему миру, нет его принятия, которого тяготит все происходящее вокруг. Ср.:

«Помните сказку про Царевну-Несмеяну? С точки зрения психологов явление в царских палатах комедийного гения в лице Иванушки-дурачка это настоящая катастрофа. Ведь принцессу явно тяготила жизнь при дворе и Несмеяна искала новой цели в жизни. Она могла бы пойти в народ, стать сестрой милосердия или учить крестьянских детей. А может быть, ей была уготована участь стать матерью Терезой? А вместо этого царь-батюшка нашел способ примирить дочку с унылой действительностью». (Я. Карабатов, «Почему нельзя веселить Царевну-Несмеяну», 25.02.16., <http://www.chel.kp.ru/daily>).

В данном примере ссылка на прецедентное имя в статье дублируется ещё и в заголовке. Анализ самой проблемы, которую затрагивает статья, подается автором в контексте сюжетных линий сказки, с постоянным обращением к психологии главных героев, осмысление которой дает платформы для выражения уникальной авторской точки зрения.

Острые социальные проблемы актуализируются через параллели с прецедентным текстом - сказкой «Волк и семеро козлят», где явно противопоставляется коварная грубая сила и беззащитность. Ср.: **«Жилфонд и семеро козлят»** (Д. Голованов, 02.02.2016, <http://kras.mk.ru/articles>). Заголовок статьи дублирует название сказки, но с лексической заменой первого компонента на сложносокращённое слово из двух составляющих **Жилфонд**, сразу же раскрывая тем самым свой прагматический потенциал, наделяя еще неизвестную читателям организацию совершенно прозрачными характеристиками.

Прагматика обращения к прецедентному имени **Курочка Ряба** российскими СМИ носит двойственный характер. Если идет освещение продовольственных вопросов России, проблем птицеводства как таковых, то Курочка Ряба упоминается, как правило, в заголовке и без традиционной связи с золотыми яйцами. Ср.:

«Русская курочка Ряба для старушки Европы», (05.10.2015, <http://www.uralinform.ru/interviews/economy>), «Курочка Ряба» (заголовок репортажа об отравлении куриной продукцией, 12.01.2015, <http://www.ntv.ru/peredacha/Prokurorskay>).

Если же речь идет об экономической выгоде, прибыли в результате обладания чем-либо, или захвата, как показано в следующем примере, то обязательно появляется традиционная связь прецедентного имени Курочки Рябы с золотыми яйцами. Ср.:

Основным поставщиком нефти стала Румыния, дав в 1940 году 58% от общего импорта в Германию "жидкого золота". Ее нефть охотно покупали и Франция с Великобританией: за первые 9 месяцев войны в эти страны было отправлено более 1000 тонн. Румыния была как Курочка Ряба - кто владел ею, тот и получал золотые яйца. («Покорение Румынии: охота за нефтью», РИА Новости, 07.10.2015, <http://ria.ru/analytics>).

В контексте проблемы качества продовольствия СМИ обращаются к прецедентному имени **Мышка-норушка**, причём интересна подача проблемы, которую не желают признавать и видеть ответственные лица, через смещение фрагментов сразу трёх русских народных сказок:

- 1) Мышь, которая то ли была в хлебе, то ли нет, определяется как Мышка-норушка – обращение к сказке «Теремок»;
- 2) «хвостиком махнула» – обращение к сказке «Курочка-Ряба»;
- 3) «поскребла по сусекам» – обращение к сказке «Колобок».

Ср.: «... никакой крысы в батоне не было, а была вот эта самая застывшая мука, которая каким-то странным образом попала в хлеб. Мышка-норушка поскребла по сусекам в воображаемом пространстве Саратова и в головах у испуганных горожан – и исчезла. Словно под землю

провалилась.»

(Е. Балаян, <http://www.vzsar.ru/special/2016/02/04>).

Способность некоторых политиков и предпринимателей уходить от ответственности подается СМИ через сравнение с Колобком в плане его ловкости и хитрости. Ср.: *Варшавский (владелец холдинга «Эстар») – эдакий главный герой из сказки «Колобок», бегающий от обманутых партнеров и банков-кредиторов.* (Н. Сомов, «Неэффективный менеджмент Вадима Варшавского и его последствия», 10.03.2016, <http://www.moscow-post.com/economics/>).

В следующем примереме мы наблюдаем использования целого ряда прецедентных имен с целью определения личностно-психологической характеристики политического деятеля Бориса Немцова. Апеллируя к именам *Емеля, Колобок, Серый Волк*, автор выстраивает своеобразную шкалу для анализа его личности. Крайняя нижняя точка - Емеля - воплощение лени, (но на наш взгляд, с учётом оппозиции к образу серого волка, автор вкладывает в это сравнение смысл простоты и наивности), крайняя верхняя точка - Серый Волк - воплощение коварства и зла. В итоге подбирается совершенно иная характеристика, путём сравнения с ловким Колобком, которого, как и Бориса Немцова, всё-таки настиг печальный конец. Ср.:

«Героем какой сказки был Борис Немцов? Емеля? Серый волк? Нет, Борис - Колобок. Ушел от всех, все его пытались лизнуть, поднадкусить - от всех ушел, а от лисы не ушел», (Алексей Венедиктов: «Немцов - это Колобок из русской сказки», <http://rustelegraph.ru/news/2015-02-28/>).

Следует отметить, что нами не было выявлено ни одного случая сравнения в СМИ с Колобком по форме или комплекции, хотя «Русский ассоциативный словарь» фиксирует на стимул «Колобок» наибольшую частоту ассоциативных реакций именно на внешние характеристики (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>).

Апелляция к атрибутам русских народных сказок в дискурсе СМИ служит средством образного моделирования социально-экономических проблем современной российской действительности. Ср.: *«Работодателю становится выгоднее взять на работу российского гражданина. Пора встать с печи, идти работать».* (Из интервью К. Ромодановского, 27.01.2016, <http://www.interfax.ru/>).

«Если бы у меня была возможность попросить поддержку на каком-нибудь космическом уровне, я бы попросил "шапку-невидимку" от всех экологов, пожарных, инспекторов труда и прочих контролеров». (Е. Шулепова, "Вкалывают роботы", Российская газета, 15.12.2015).

«Молодильные яблоки» (Заголовок репортажа о возрождении провинциального города посредством восстановления плодово-ягодного производства). (А. Кротенко, 17.09.2015., <http://www.express-k.kz/news>).

«МК МЖД: Стальное колечко не по размеру» (Заголовок критической статьи о строительстве второй кольцевой железной дороги в Москве.) (А. Акопян, 19.02.2013, <http://www.russianrealty.ru/analytic/>).

Обращение к сюжетным линиям прецедентных текстов русских народных

сказок также характерно для российских СМИ. Ср.:

*«Сладостные мечты незаметно убаюкивают Валерия Васильевича, и он погружается в сон. Снится ему почему-то, что он держит в руках книгу со сказкой "Курочка Ряба" и читает вслух: "Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое". И чувствует вдруг Валерий Васильевич, как снова начинает бешено завидовать - теперь этой проклятой курочке. Потому что про нее сказки пишут, а про него - все нет и нет. И начинает он озираться: что бы ему снести еще? (Л. Гурский, «Эта сносная жизнь», 20.02.2016, <http://nversia.ru/>). В данном примере переплетены смыслы глаголов *сносить* и *нести* и прилагательного *сносный* в заголовке. Автор с иронией анализирует желание градоначальников местного уровня отличиться при помощи деструктивных и абсурдных проектов, бестолково подражая столичной кампании по сносу торговых рядов. Ими во всём усматривается подтекст процесса сноса строений, даже во фразе о том, что курочка снесла яичко, там, где его нет в принципе. В заголовке статьи обыгрывается словосочетание *несносная жизнь путём* отсечения отрицательного префикса *не-*, в результате перед нами словосочетание с другим смысловым вектором, который наглядно проявляет себя в контексте статьи о нездоровом желании сносить всё подряд.*

Показателен пример обращения к сюжету прецедентного текста «Теремок» в контексте анализа проблемы *миграционного процесса из Азии и Африки в Европу*. Евросоюз способен выдерживать натиск мигрантов только до определённой степени, а дальше всё может закончиться трагично, как в той сказке. Ср.:

«В лесу живут зверушки в маленьком уютном домике - теремке. Приходит, например, лягушка-квакушка, стучится в дверь и говорит: «Тук-тук! Кто в теремке живет? Пустите меня к себе жить!» Ее пускают и всем там уютно и хорошо. Так же пускают и зайчика-побегайчика, и лисичку-сестричку - места в теремке всем хватает. Потом приходит медведь. Все попытки медведя втиснуться в теремок завершились, разумеется ничем. Медведь разъярился и сел на теремок. Тут и теремку, и сказке конец. Пока еще не поздно «европейским зверушкам» необходимо освободиться от своего узкого национального мышления, чтобы решать глобальные вопросы, которые встают и перед Европой, и перед всем человечеством. Наш теремок - вся наша Земля (М. Шишкин, Русский миф о Европе, 02.08.2014, <http://inosmi.ru/world>).

Также мы можем наблюдать использование сюжетной линии прецедентного текста для выражения авторского комментария к предмету разговора. Ср.:

«И хотя я впервые слышу эти слова - стентирование и ангиограф - и не знаю, что они означают, годы журналистской «дрессировки» не прошли даром - и потому реакция у меня адекватная, профессиональная:

- А можно мне посмотреть? И потом написать?.. Чудо-аппарат

Окропила Василиса Премудрая Ивана Царевича мертвой водой, и все раны у него затянулись. Потом окропила его живой водой - и ожил Иван Царевич... (Русская народная сказка «Василиса Премудрая»). (А. Данилов «Не

боги, но все же..., или спасти за 90 минут» <http://vsr.mil.by/2015/08/15/>). В данном случае комментируется эффективность работы высокотехнологичного медицинского оборудования, принцип и результат работы которого до конца не ясен ни автору репортажа, ни рядовым читателям. На помощь приходит цитирование фрагмента прецедентного текста «Василиса Премудрая». Читателю становится понятно, что *стенмирование и ангиограф* приравнивается к чудесам. Наличие в цитируемом фрагменте слов, принадлежащих к высокому стилю *окропила, ожил*, приносит характер патетичности, что совпадает с общей тональностью репортажа, поскольку речь идёт о важнейших человеческих ценностях - жизни и здоровье.

Обращение СМИ к сюжету прецедентного текста «Репка» происходит в двух случаях: когда в результате последовательности действий есть положительный результат и когда совместные усилия ни к чему не приводят. Ср.: «... **внучка за бабуку, а внучек за дедку**», - **вот и вытянут «репку»**, то есть соберут эти необходимые десять тысяч подписей.» (А. Солоненко, «Неграждане Латвии могут получить право голоса на муниципальных выборах», 18.02.2016,) <http://www.rubaltic.ru/article/politika>. «**Дедка** - (областная прокуратура) **за репку, бабука** (областная администрация) - **за дедку, внучка** (приемная председателя «Единой России») - **за бабуку...** В бои вокруг этого сугубо местного значения вопроса втянуты областные структуры. Не только административные, но и политические. А «репка» - ни с места...» («Автобус дальше не идет», <http://inter-volgograd.ru/2016/02/>).

В следующем примере задействована довольно объёмная часть прецедентного текста «Теремок». В качестве предисловия к обзору гаджетов используется финальный фрагмент сказки, наглядно показывающий на сколько широк спектр опций, с одной стороны, и на сколько мал, но прочен гаджет, с другой стороны. Ср.:

«Вдруг идет медведь косолапый. Увидел медведь теремок, услышал песни, остановился и заревел во всю мочь:

— **Терем-теремок! Кто в тереме живёт?**

— **Я, мышка-норушка.**

— **Я, лягушка-квакушка.**

— **Я, зайчик-побегайчик.**

— **Я, лисичка-сестричка.**

— **Я, волчок-серый бочок.**

— **А ты кто?**

— **А я медведь косолапый.**

— **Иди к нам жить!**

Медведь и полез в теремок. Лез-лез, лез-лез — никак не мог влезть и говорит:

— **А я лучше у вас на крыше буду жить.**

— **Да ты нас раздавишь.**

— **Нет, не раздавлю.**

— **Ну так полезай!**

Влез медведь на крышу и только уселся — трах! — затрещал теремок, упал

набок и весь развалился.

Русская народная сказка «Теремок»

Такой маленький и такой вместительный. Это первое, что приходит на ум при знакомстве с нашим сегодняшним конкурсантом. И действительно, кажется, еще чуть-чуть - и он лопнет. Но такое только в сказках бывает. В качестве сборки сомневаться не приходится. Поэтому настала пора посмотреть, кто же все-таки в теремочке живет» (М. Граф, Основные технические характеристики XpressMusic 53 Nokia 10, 15.11.2007, <http://www.3dnews.ru/>).

Использование в СМИ прецедентного текста полностью, где каждый эпизод последовательно проанализирован автором с позиции специалиста по организации и ведению бизнеса, наблюдается в контексте интерпретаций экономических и производственных вопросов. Ср.:

"В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич. Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадет - там и сватайтесь.

Как видим, перед нами чисто русская сказка: надеемся на русский авось - стрельнем лишь бы куда, авось повезет попасть куда надо. И потому неудивительно, что поиск невест происходит в ней не в процессе тщательного отбора кандидатур, а, ввиду полного отсутствия дорог на Руси, путем совершенно случайного стрелометания. (Полная версия публикации:

www.e-executive.ru/community/magazine/1542962-tsarevna-lyagushka-skazka-dlya-top-menedzherov, автор: В.Токарев).

Для подобной «сказочной аналитики» с элементами комического, которое достигается за счёт употребления экономической и юридической терминологии в процессе анализа, аналогичным образом используются полностью тексты ряда других прецедентных текстов: «Репка», «Теремок», «Колобок».

Анализ материала показывает, что использование российскими СМИ русской народной сказки в качестве источника прецедентных феноменов является актуальным. Это связано, на наш взгляд, с тем, что образы и сюжеты сказок имеют особое значение для ментальности российского человека. Важно отметить, что привлечение российскими СМИ прецедентных феноменов из сферы-источника «Русская народная сказка» полностью исключает коммуникативный сбой с любой аудиторией, поскольку читатель, однажды познакомившись с сюжетами сказок, в любом контексте всегда будет отражать их образы и смыслы.

References

1. Должикова С.Н. Прецедентные феномены в английском языке. [Электронный ресурс]. URL: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_18.pdf (дата обращения:

10.03.2016).

2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
3. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С.Л.Кушнерук – Екатеринбург, 2006. – 213 с.
4. Подручная Л.Ю. Фольклорный текст на занятиях РКИ: восприятие и интерпретация русской народной сказки [Текст] / Л.Ю. Подручная //Слово.ру: Балтийский акцент. - 2013. - №3. - С. 39-44.
5. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб.пособ. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 256 с.

LINGUISTICS

UDC 81232

Litvinchuk I.N. Interpretation of emotive texts in the context of the Russian language acquisition

Интерпретация эмотивных текстов в контексте преподавания русского языка как иностранного

Litvinchuk Irina Nikolayevna

Academy of Building and Architecture (structural subdivision),
Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

Литвинчук Ирина Николаевна

Академия строительства и архитектуры (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

Abstract. The article deals with the experience of using emotive texts as speech samples for the purpose of development of foreign language ability of students studying Russian as a foreign language, for effective and competent emotional expression and emotional States. Our task in the process of learning to work with these types of texts was to find out what strategies of emotive predication used in studying the process of interpretation of text, and paraphrase the answers to the questions in the text. It was important to identify different aspects of educational pragmatics of emotive texts of various types. Psychosemantic analysis of the peculiarities of emotive constructions as the building blocks of emotive texts which reproduce students, allowed to identify some of the ways that emotive egocentrism in their speech as the product of perception and interpretation of emotive texts-incentives. They identified three main strategies of emotive predication: conformity, conflict and cooperative.

Keywords: emotivity, emotive text, emotive predicate, Russian language acquisition.

Аннотация. В статье обсуждается опыт использования эмотивных текстов в качестве речевых образцов с целью развития способности иноязычных студентов, изучающих русский язык как иностранный, к эффективной и грамотной эмоциональной экспрессии эмоций и эмоциональных состояний. Нашей задачей в процессе учебной работы с данными видами текстов было выяснить, какие стратегии эмотивного предсказания используют обучающиеся в процессе интерпретации текста, пересказа и ответы на вопросы по тексту. Было важно также выявить различные аспекты прагматики учебных эмотивных текстов различных типов. Анализ психосемантических особенностей эмотивных конструкций как структурообразующих элементов эмотивных текстов, которые воспроизводят обучающиеся, позволил выделить несколько способов проявления эмотивного эгоцентризма в их речи как продукте восприятия и интерпретации эмотивных текстов-стимулов. Были выявлены три основные стратегии эмотивного предсказания: конформная, конфликтная и кооперативная.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивный текст, эмотивный предикат, обучение русскому языку как иностранному.

Эффективное развитие речевой инициативы в процессе изучения иностранных языков подразумевает осознание языковой личностью своих намерений и целей в коммуникации. Это в свою очередь влечет за собой необходимость формирования умения не только четко формулировать свои мысли, но и аутентично выражать чувства и эмоции. Эмоционально-выразительный компонент коммуникативной функции речи наиболее ярко эксплицирует психический склад личности [7], в частности его индивидуальный эмоциональный опыт [1], поскольку в любом высказывании наряду с предметным содержанием выражается эмоциональное отношение автора к себе, к собеседнику, к предмету сообщения, к коммуникативной ситуации и миру в целом.

Основные принципы современной методической науки, детерминирующие и дидактический процесс в целом, и обучение конкретным видам речевой деятельности в процессе изучения иностранных языков, так или иначе затрагивают проблему адекватного выражения, называния и описания эмоциональных состояний субъектом речевой деятельности. Так, принцип сознательности подразумевает высокую степень осознанности в процессе кодирования и декодирования обучающимся эмоциональных смыслов, заложенных в эмотивной лексике, эмотивных синтаксических конструкциях, морфологических способах выражения эмотивного предиката [4, с. 138]. Принцип активности акцентирует внимание преподавателя на эмоциональной вовлеченности обучающихся в процесс познания нового. Принципы прочности и систематичности подразумевают формирование надежной мотивационной основы обучения иностранным языкам, когда рациональная систематичность преподнесения материала подкрепляется ярким эмоциональным фоном его освоения. В этом смысле учебный дискурс изначально эмотивен.

По мнению Д. Ларсен-Фриман, эмоционально-психологический принцип является одним из ключевых аспектов методики преподавания филологических дисциплин [10]. Эмоционально-смысловой подход к изучению иностранного языка [9], ситуативное представление способов выражения эмоций, интерпретация эмоциогенных типовых коммуникативных ситуаций и анализ

эмотивных текстов способствуют приближению процесса обучения к реалиям естественной коммуникации. Чрезвычайно важен также аспект эффективного межкультурного взаимодействия, поскольку эмоциональные способы реагирования индивида на стимулы внешнего и внутреннего мира, будучи детерминированными коллективным бессознательным представителей определенной культуры, отражают его картину мира.

Полноценное владение русским языком требует от обучающихся иностранных граждан умения выражать свое отношение, эмоции к окружающим явлениям, ситуациям и т. д. Это особенно важно на продвинутом этапе обучения, однако в образовательных учреждениях нелингвистического профиля мало уделяется внимания способам выражения эмоций в устной и письменной речи в изучении иностранных языков [2; 8]. Эта проблема является не менее актуальной и для методики преподавания русского языка как иностранного на начальном и продвинутом этапе обучения иностранных граждан на инженерно-техническом направлении. Как показывает практика, студенты и магистранты не менее чувствительны к дефициту способов выражения и описания эмоций на чужом языке, чем иностранные граждане, обучающиеся на подготовительном отделении. Эффективная аккультурация невозможна без активного включения эмоционального компонента реагирования, поскольку процесс адаптации молодых людей, приехавших в чужую страну на обучение, к новым реалиям, к необычным для них жизненным обстоятельствам обретает личностную значимость именно посредством эмоциональной оценки.

Актуальность обсуждаемой проблемы существенно возрастает и ввиду влияния таких факторов, как непродолжительность курса преподавания курса русского языка как иностранного и высокая степень его рационализации: в традиционных программах большое внимание уделяется прежде всего освоению обучающимися иностранными гражданами стандартного набора лексических единиц, грамматических категорий и синтаксических конструкций. Однако «имеются все основания предполагать, что рационалистический подход к обучению иностранному языку в вузах нелингвистического профиля исчерпал себя» [8, с. 2]. Действительно, на наш взгляд, результативность освоения «чужого» языка во многом зависит от степени освоения «чужих» способов эмоционального реагирования на мир, адекватно транслируемой экспрессии, аутентичного использования эмоционально-оценочных языковых ресурсов в речевом потоке в соответствии с различными эмоциогенными ситуациями или в контексте уникальных для субъекта речевой деятельности жизненных ситуаций, новых в его жизненном опыте.

Эффективным способом обучения экспрессии эмоций является предъявление речевых образцов, тщательная работа с материалом диалогов. Таким образом формируются и интерпретируются типовые эмотивные ситуации, подразумевающие создание «внутреннего сценария», программирующего как содержательно-информативную сторону высказывания, так и позиции коммуникантов. Обучение способам выражения и

описания эмоций и эмоциональных состояний носит рефлексивный характер, при этом продуктивные и репродуктивные речевые фрагменты в учебном текстовом материале должны быть оптимально сбалансированы.

Очень важной детерминантой качественного аудирования, эффективной смысловой интерпретации является качество стимульных текстов, предъявляемых обучающимся. В педагогической практике автор успешно использует эмотивные тексты из произведений русской классической и современной литературы. При этом под эмотивным мы понимаем такой текст, который в качестве основных структурно-семантических компонентов имеет конструкторы с эмотивной семантикой, обладает определенной эмоционально-смысловой доминантой и эмоциогенной прагматикой [5].

Прагматика учебного эмотивного текста выявляется непосредственно в процессе его предъявления для аудирования, чтения, анализа и интерпретации. В практике преподавания русского языка как иностранного в образовательном учреждении неязыкового профиля использование эмотивного текста в качестве стимульного и анализ эмотивных синтаксических конструкций уместно и целесообразно уже в рамках начального курса, когда осуществляется анализ субъектно-предикатной структуры предложений и морфологических способов выражения субъекта и предиката.

Основной задачей преподавателя при этом является тщательный подбор учебных текстов, поэтому целесообразно применять принципы структурно-лингвистического, психосемантического и эстетического анализа эмотивных текстов. В соответствии с эмоционально-смысловой и эстетической доминантой композиционного устройства учебных эмотивных текстов и доминированием в их структуре эмотивных синтаксических конструкций определенного типа можно выделить несколько основных типов эмотивных текстов, которые предъявляются обучающимся. В качестве критериев их типологизации в практике применения в учебной деятельности нами были избраны следующие бинарные оппозиции: а) монологичность/диалогичность речевой организации; б) эксплицитность/имплицитность эмотивной семантики, т.е. способ ее кодирования; в) позитивный/негативный модус, доминирующий оценочный знак транслируемой в конкретном тексте эмотивной семантики.

Безусловно, данные характеристики отражаются и в способе организации дискурса. Так, тексты-монологи с имплицитной эмотивной семантикой, как правило, организованы как прозаическое повествование от первого лица с фрагментарным вкраплением диалоговых разговорных элементов. В эмотивных текстах диалогического характера преобладают эксплицитно эмотивные морфолого-синтаксические конструкции. Нашей задачей в процессе учебной работы с данными видами текстов было выяснить, какие стратегии эмотивного предикирования используют обучающиеся в процессе интерпретации текста, пересказа и ответы на вопросы по тексту. Было важно также выявить и следующий аспект прагматики учебных эмотивных текстов: действительно ли диалогический дискурс, обилие разговорных форм речи, приближенной к реалиям так называемого «естественного языка» и привлекающей внимание к индивидуальной авторской манере и личностному психологическому началу в

героях повествования, делающей их переживания близкими и понятными для читающего, вызывают более интенсивный отклик у обучающихся иностранных студентов.

Стратегии эмотивного предикирования были выявлены при сопоставлении тенденций к воспроизведению обучающими при пересказе текста и ответе на вопросы к нему эмотивных морфолого-синтаксических конструкций того же типа, что и в стимульных эмотивных текстах, или же в отказе от них и привлечения обучающимися эмотивных конструкций другого типа. Так, если глагольная эмотивная конструкция *Он боится сдавать экзамен* заменяется в речи обучающегося доминирующей в его речи субстантивной конструкцией *У него страх. Страх перед экзаменом*, можно говорить о наличии конфликтной стратегии эмотивного предикирования. Если же обучающийся тяготеет к преимущественному сохранению, повторению тех типов конструкций, которые представлены в стимульном тексте и доминируют в нем, целесообразно говорить о конформной стратегии эмотивного предикирования. Количество случаев замены и/или сохранения эмотивных конструкций в результативных текстах по сравнению с текстами-стимулами, фиксировалось при составлении стенограммы с применением диктофона.

В теории когнитивной науки известны утверждения о наличии предпочитаемого конкретной языковой личностью определенного уровня референции в процессе номинации явлений предметного мира, когда выбирается из всех возможных наименований то, категориальная соотношенность которого детерминирована доминирующим способом отражения, описания ситуаций объективной действительности [3]. Избирательное употребление языковой личностью эмотивных конструкций конкретных типов отражает особенности устройства феноменального субъективного поля эмотивности этой личности, предпочтение ею определенных фреймовых организаций эмотивного дискурса, обусловленных устойчивыми и ситуативными психологическими интенциями индивида.

На наш взгляд, связь между предметным миром психофеноменальным пространством говорящего субъекта, эксплицирующаяся в избирательности стратегий эмотивного предикирования, т. е. выбора морфолого-синтаксического варианта эмотивного предиката, выражающего определенное эмоциональное состояние (Ср.: *У него страх. – Он боится. – Ему страшно*) проявляется на подсознательном уровне. Однако выявление соотношения психологических, социальных причин осознанности, сознательной целенаправленности или бессознательности выбора стратегий – сложная проблема, требующая глубокого исследования.

Анализ психосемантических особенностей эмотивных конструкций как структурообразующих элементов эмотивных текстов, которые воспроизводят обучающиеся, позволил выделить несколько способов проявления эмотивного эгоцентризма в их речи как продукте восприятия и интерпретации эмотивных текстов-стимулов. Соотношение «своего» и «чужого», «эгоистического», субъективного и интерсубъективного отражается в эмотивной семантике предикатов эмотивных конструкций, выбранных обучающимися. По этому

критерию в их речи были выделены стратегии эмотивного предсказания. Во-первых, это конформная стратегия, понимаемая как преимущественная экспликация смыслов «не-Я» с фрагментарным включением элементов эгоцентрической, характерно-индивидуальной семантики, т.е. импликации эгоцентризма. Во-вторых, это конфликтная стратегия эмотивного предсказания как максимальное проявление эгоцентрических интенций в интерпретации стимульного эмотивного текста, «подавление», полная трансформация семантико-синтаксической структуры эмотивных текстостимулов как проявление большого уровня когнитивной сложности процесса восприятия. И, наконец, это кооперативная стратегия эмотивного предсказания, когда в текстах-реакциях преобладает рефлексивная интерпретация («свое» и «чужое» взаимодействуют, сотрудничают) психосемантических коррелятов текста-стимула, когда проявляется высшая сложность когнитивного речемышлительного реагирования субъекта речевой деятельности. Достоверных различий между способами интерпретации эмотивной семантики диалогических и монологических эмотивных текстостимулов выявлено не было. Однако эмотивные тексты-стимулы с имплицитно позитивной и эксплицитно негативной семантикой получили более активную интерпретацию обучающимися: в результативных текстах, которые были получены в результате пересказа стимульных эмотивных текстов вышеуказанных видов, были выявлены все стратегии эмотивного предсказания с превалированием кооперативной.

Шкала «разброса» семантики «своего/чужого» позволила выявить, что «свое» представлено гораздо более эксплицитно и частотно в результативных эмотивных текстах, при этом конформная и кооперативная стратегии присущи обучающимся на начальном этапе изучения русского языка как иностранного, конфликтная – на продвинутом этапе.

References

1. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 143 с.
2. Коврижкина Д.Г. Принципы обучения иностранных студентов выражению эмоций средствами русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Вып. № 4 (30), 2014. <http://goo.gl/OtfXs4>
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. № 4. – М., 1994. – С. 34–37.
4. Литвинчук И.Н. Интерпретация эмотивных смыслов художественного текста в психолингвистическом эксперименте // Культура народов Причерноморья. № 6. – Симферополь, 1999. – 231 с.
5. Литвинчук И.Н. Прагматика эмотивного текста (психосемантическое экспериментальное исследование). – Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. – Киев, 2000. – С. 62.
6. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии.

- М.: Высшая школа, 1980. – 360 с.
7. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М.: 1958. – С. 47-49.
 8. Самойленко Е.В. Эмотивно-волевая методика обучения иноязычной речи студентов вузов неязыкового профиля: на материале английского языка. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата педагогических наук. – Пятигорск, 2003. <http://goo.gl/F48dAO>
 9. Шехтер И.Ю. О временной характеристике речевого общения и бессознательном психическом (к вопросу о порождении речи) // Философские исследования, 1995б Т. 2а.
 10. D. Larsen-Freeman. Techniques and principles in language teaching. Second edition. – Oxford University press. 2000. – 189 p.

RUSSIAN LANGUAGE

UDC 811.161.1

Pleskanyuk T.N. Different-rooted (one-model) derivational sequences as a form of textual connectivity

Разнокорневые (одномодельные) словообразовательные последовательности как средство формирования текстовой связности

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna

Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Плесканыук Татьяна Николаевна

Нижегородский институт управления РАНХиГС

Abstract: Different-rooted (one-model) derivational sequences include elements of different integrated units of word formation: fragments of derivational types, derivational series, and derivational category. They are a significant mean of word-formative text coherence, because it brings together similar in semantic and structural terms, words as elements of different sentences in the text because of the availability of system-linguistic word-formative relations between them. This contributes to a thematic and communicative perspective of the text, its associative and semantic background, and also increases the expressiveness of the text fragments.

Key words: text, integrity, coherence, sequence

Аннотация: Разнокорневые (одномодельные) словообразовательные последовательности включают в себя элементы различных разнокорневых комплексных единиц словообразования: фрагменты словообразовательных типов, словообразовательных рядов и словообразовательной категории. Они являются значимыми средствами формирования словообразовательной текстовой связности, потому что объединяют сходные в семантическом и структурном отношении слова как элементы разных предложений в тексте в силу наличия системно-языковых словообразовательных отношений между ними. Это способствует формированию тематической и коммуникативной перспективы текста, его ассоциативно-смыслового фона, а также повышает экспрессивность текстовых фрагментов.

Ключевые слова: текст, целостность, связность, последовательность

Словообразовательная последовательность включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц, объединенных по принципу участия в формировании текстовой связности. Единицы словообразовательной последовательности характеризуются как формальной связью элементов, входящих в их состав, так и семантико-словообразовательной связью между ними. Словообразовательные последовательности могут быть однокорневыми и разнокорневыми (одномодельными), которые участвуют в организации текстовой связности разного типа. [1]

Разнокорневые (одномодельные) словообразовательные последовательности включают в себя элементы различных разнокорневых комплексных единиц словообразования [3]: чаще всего это фрагменты **словообразовательных типов**, но возможны и фрагменты **словообразовательных рядов** (формального объединения слов разных словообразовательных типов с одинаковым формантом и способом словообразования, без учета семантической общности – *води-тель, выключа-тель*), и фрагменты **словообразовательной категории** (объединения слов разных словообразовательных типов с общим словообразовательным значением, но разными формантами – *води-тель, груз-чик*).

Редко, но встречается объединение в разнокорневую последовательность единиц, представляющих предельно широкую комплексную разнокорневую единицу словообразования, например, **словообразовательный разряд** (совокупность всех слов одной и той же части речи, образованных одним способом):

*Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не **отдумать** довеку* (И. Бунин).

Последовательность *заспать* и *обдумать* представляет собой минимальный фрагмент словообразовательного разряда всех производных приставочных глаголов.

По нашим наблюдениям, в исследованном материале в основном присутствуют следующие типы разнокорневых (одномодельных) словообразовательных последовательностей [4]: 1) одномодельные словообразовательные последовательности слов с одинаковыми аффиксами; 2) одномодельные словообразовательные последовательности слов с синонимическими аффиксами; 3) одномодельные словообразовательные последовательности слов безаффиксного способа образования; 4) одномодельные словообразовательные последовательности сложных слов; 5) одномодельные словообразовательные последовательности слов, образованных с помощью конверсии.

I. Минимальной разнокорневой словообразовательной последовательностью **слов с одинаковыми аффиксами** является пара слов, принадлежащих к одному словообразовательному типу:

На крашеном полу и на лежанке лежат золотые окна, совсем косые и узкие, и черные на них крестики скосились. И до того прозрачны, что даже

пузырики – глазочки видны и пятнышки ... и зайчики, голубой и красный. Но откуда же эти зайчики и почему так бьются? Да это совсем не зайчики, а как будто пасхальные яички, прозрачные, как дымок. Я смотрю на окна – шары! Это мои шары гуляют, вьются за форточкой, другой уже день гуляют: я их выпустил погулять на воле, чтобы пожили подольше (И. Шмелев).

Здесь использована последовательность с одинаковыми уменьшительно-ласкательными суффиксами одушевленных имен существительных *яичко – зайчик*, которая употребляется в комплексе с лексическими средствами связности текста – повторами ключевых слов (*зайчики* и *шары*), что в целом создает текстовую перспективу, развивающую и детализирующую изображения восприятия происходящего глазами ребенка. [2]

Словообразовательная последовательность с одинаковыми суффиксами может быть многозвенной:

2) Я понимаю, что **сочетание** всех частей лица, **движение** всех мышц лица могут складываться в ту или иную гримасу, в то или иное **выражение**. Брезгливость, радостная улыбка, **огорчение**, **удивление**, испуг, ужас и прочее (НКРЯ).

В это примере словообразовательная последовательность пятизвенная (*сочетание – движение – выражение – огорчение – удивление*): это фрагмент словообразовательного типа отглагольных существительных с суффиксом – НИИ- / -ЕНИИ-.

Так же широко представлены одномодельные словообразовательные последовательности с одинаковой приставкой – они, как правило, многозвенные:

1) Четырехзвенная последовательность, представленная словами одного словообразовательного типа

Нет, меня не порадует – что ты!-

Одинокая странствий звезда.

Пролетели мои самолеты,

Просвистели мои поезда.

Прогудели мои пароходы,

Проскрипели телеги мои,-

Я пришел к тебе в дни непогоды,

Так изволь, хоть водой напои!

(Н. Рубцов).

Здесь слова с одинаковыми приставками участвуют в создании приемов анафоры и синтаксического параллелизма.

2) Пятизвенная последовательность, представленная, соответственно, рядом из двух слов с приставкой ЗА- и трех слов с приставкой ПО-:

Эх, Русь, Россия,

Что звону мало,

Что загрустила,

Что задремала.

Давай пожелаем

Спокойной ночи,

Давай помечтаем,

Давай похочем.

(Н. Рубцов)

Здесь тоже слова с одинаковыми приставками участвуют в создании приемов анафоры и синтаксического параллелизма.

3) Четырехзвенная последовательность:

— *Сумочка у нее фартовая, — уточнил Бесик.*

— *Сорвать*, — сказал *Шахтер*.

— *Срезать*, — уточнил *Сверчок*.

— *Слямзить*, — предложил *Корешок* (А. Приставкин).

Здесь в ситуации из повести А. Приставкина «Кукушата, или жалобная песнь для успокоения сердца» активную связующую функцию выполняют глагольные приставочные образования со значением «мгновенности действия».

Обратим внимание, что в этом примере за счет возникновения текстовых системных связей в словообразовательную последовательность вовлекается синхронически немотивированное слово *слямзить*, которое на фоне других производных слов с приставкой С- также воспринимается как членимое.

II. Разнокорневая словообразовательная последовательность с синонимическими аффиксами (это может сопровождаться варьированием рода производных существительных), как правило, представлена фрагментом словообразовательной категории или словообразовательного ряда. Такая последовательность чаще всего бывает многозвенной. [б]

См. пример шестизвенной разнокорневой словообразовательной последовательности на основе словообразовательной категории:

*Птицы у нас везде. В передней **чижик**, в спальне канарейки, в проходной комнате **скворчик**, в спальне отца канарейка и черный **дроздик**, в зале два соловья, в кабинете **жавороночек**, и даже в кухне у **Марьюшки** живет на покое, весь лысый, **чижик**, который пищит – «чулки- чулки- паголенки», когда застучат посудой. В чулане у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с **птичками** и зажигать лампы, когда он дома.* (И. Шмелев)

Здесь три слова – представителя одного словообразовательного типа уменьшительно-ласкательных существительных с суффиксом –ИК: *чижик* – *скворчик* – *дроздик*, одно слово с –ЕК: *жавороночек*, и два слова с –К- женского рода (*Марьюшка* – *птичка*), но все они объединены общим словообразовательным значением уменьшительно-ласкательности.

Ниже приводится пример пятизвенной последовательности, включающей элементы и словообразовательной категории, и словообразовательного ряда:

*Но глаза... Зрачки и белки. Ничего они сами по себе выразить не могут. И, однако, глаза бывают то **стальными** и **холодными**, то **медовыми** и **тяжелыми**, то **сияющими**, то **потухшими**, то **веселыми**, с **прыгающими** в них **солнечными зайчиками**, то **озорными**, с **прыгающими** в них **черными точками**, то **восхищенными**, то **мертвыми**, как **осенняя** вода в канаве... Что же освещает их изнутри, откуда берется этот свет и какова его природа?* (В. Солоухин).

Здесь разнокорневая одно модельная последовательность с синонимичными суффиксами представлена: а) фрагментом словообразовательной категории, образованной тремя словами из словообразовательного типа относительных прилагательных на базе существительного с суффиксом –Н- (*стальной*, *холодный*, *осенний*) и одним словом – прилагательным с суффиксом –ОВ- (*медовый*); б) фрагментом словообразовательного ряда, образованного теми же тремя словами с –Н- от

существительного и одним словом – прилагательным с суффиксом –Н- на базе глагола (*озорной*) (это уже фрагмент **словообразовательного ряда**, совместно с прилагательными от существительных) .

III. Встречаются также одномодельные словообразовательные последовательности **слов безаффиксного способа образования**:

1) *Все, все, что гибелью грозит,
Топчут лапти по полю кукольной
Где- то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна* (С. Есенин).

Здесь трехзвенная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа производных отглагольных абстрактных существительных: *храп – звон – зык*, обеспечивает, наряду со связующей функцией, определенный стилистический эффект, придает тексту сжатость, смысловую емкость и динамичность;

2) *Я просыпаюсь, радостный, меня ослепляет блеском и в этом блеске – веселый звон. Сразу я не могу понять, отчего такой блеск и звон. Будто еще во сне – звонкие золотые яблочки, как в волшебном саду, из сказки. Открываю опять глаза – и вдруг вспоминаю: да это Пасха!..* (И. Шмелев).

Здесь трехзвенная разнокорневая одномодельная последовательность также образована фрагментом словообразовательного типа производных отглагольных абстрактных существительных: *блеск – сон – звон*. Данная последовательность, в комплексе со средствами лексического повтора слов *блеск, звон*, создает панорамное синестетическое (звуковое и зрительное) изображение, рисуя момент перехода из сна в явь героя. Сигналами этого перехода является параллельное встречное употребление варьирующихся рядов: *просыпаться → блеск → звон* и – в обратной перспективе: *блеск → звон → сон*.

IV. Одномодельные словообразовательные последовательности **сложных слов** представлены в обследованном материале редко:

1) В научном стиле: *Школьный курс геометрии состоит из двух частей: планиметрии и стереометрии. В планиметрии, которой мы занимались в VI – VIII классах, изучаются свойства геометрических фигур на плоскости. Стереометрия – это раздел геометрии, в котором изучаются свойства фигур в пространстве.*

Здесь в образовании трехзвенной разнокорневой одномодельной словообразовательной последовательности выступают иноязычные сложные термины – названия научных дисциплин. Они служат для создания такой важной черты текста научного стиля, как точность, формируя детальное и подробное описание предмета изображения.

2) В художественном стиле:

Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман.

Здесь в образовании двухзвенной разнокорневой одномодельной словообразовательной последовательности участвуют сложные прилагательные цвета, образованные по одной модели чистого сложения. Они формируют цветовой ассоциативно-смысловый фон фрагмента текста.

V. Еще реже встречаются разнокорневые словообразовательные последовательности **слов, образованных с помощью конверсии**:

1) *Язык – величайшее наследие для всех поколений. Он - неделимый фонд у народа в прошлом, в настоящем и в самом отдаленном будущем. Засорять его, обеднять – значит обкрадывать не только самих себя...*(М. Алексеев).

Здесь последовательность образована словами одного словообразовательного типа: субстантиваты *прошлое – настоящее – будущее* образуют трехзвенную разнокорневую одномодельную последовательность, участвующую в формировании временной перспективы текста.

2) *Здесь Рюмкин схоронен, под Вакха знаменами
Весь век он славно прослужил.*

Проходи, не кропи его ты прах слезами:

Воды до крайности усони не любил (А.П. Бенитский)

Здесь субстантиваты *проходи – усони* участвуют в формировании стилистической фигуры – антитезы, которая, в свою очередь, является смысловой перспективой текста.

Все проанализированные пять видов разнокорневых одномодельных последовательностей в пределах одного текста могут комбинироваться, создавая довольно сложные иерархически организованные структуры словообразовательной связности. [5]

Пример из художественного поэтического текста М. Цветаевой, который относится к жанру философского размышления о жизни, характеризуется сложной матричной системно-структурной организацией:

*По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгучим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким-
За плащом – следом и следом.
По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким-
За плащом – лгуцим и лгуцим* (М. Цветаева).

Здесь представлена девятизвенная разнокорневая последовательность, которая последовательно включает:

1) фрагмент **словообразовательного типа (СТ 1)** прилагательных, мотивированных существительными, с суффиксом –Н-: три слова *сильный – пыльный – гневный* (одномодельная словообразовательная последовательность **слов с одинаковыми аффиксами**);

2) фрагмент **словообразовательной категории (СК 1)**, объединяющей фрагмент вышеуказанного словообразовательного типа и одно слово *круглый* того же словообразовательного значения, но с суффиксом –Л-: всего, таким образом, четыре слова (одномодельная словообразовательная последовательность **слов с синонимическими аффиксами**);

3) фрагмент **словообразовательной категории (СК 2)** прилагательных, мотивированных глаголами, но с разными суффиксами (-ЯН-, -УЧ-, -АН-): три слова *рдяный – жгучий – рваный* (одномодельная словообразовательная последовательность **слов с синонимическими аффиксами**);

4) фрагменты двух вышеуказанных категорий сами объединяются в фрагмент **словообразовательного разряда (СР)** всех суффиксальных прилагательных (итого – всего 7 слов);

5) фрагмент **словообразовательного типа (СТ 2)** адъективированных причастий, т.е. прилагательных, образованных из причастий неморфологическим способом, путем перехода из одной части речи в другую – они, из-за другого, не суффиксального способа образования, не входят в вышеупомянутый словообразовательный разряд: это два слова *лгущий* и *вздутый* (одномодельная словообразовательная последовательность **слов, образованных путем конверсии**).

б) А все девять слов вместе образуют фрагмент **словообразовательного класса (СКл)** всех производных прилагательных.

В результате образуется следующая иерархически-организованная структура словообразовательной связности:

{СР <СК 1 [СТ 1: <i>сильный – пыльный – гневный</i>] + <i>круглый</i> > + <СК 2: <i>рдяный – жгучий – рваный</i> >} + СТ 2: <i>лгущий – вздутый</i>

СКл.

Разнокорневые (одномодельные) словообразовательные последовательности вступают в тексте в разнообразные отношения, и наряду с однокорневыми словообразовательными последовательностями образуют структурно организованное целое – текстокогерентную словообразовательную матрицу как комплексное средство текстовой словообразовательной связности. [7] Словообразовательные последовательности разных типов являются значимыми средствами формирования словообразовательной текстовой связности, потому что объединяют сходные в семантическом и структурном отношении слова как элементы разных предложений в тексте, так сказать, «естественным образом», в силу наличия системно-языковых словообразовательных отношений между ними. Это способствует формированию тематической и коммуникативной перспективы текста, его ассоциативно-смыслового фона, а также повышает экспрессивность текстовых фрагментов.

References

1. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014. .

2. Плесканюк Т.Н. Особенности семантики и прагматики производного слова. Филологический аспект. 2016. № 1. С. 31-34.

3. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikurao.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009r.pdf (0,3 п.л.).

4. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности//Современные проблемы науки и образования. -2014. -№ 1. -Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.

5. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная связность текста как объект лингвистического исследования // Русский язык и литература в контексте современного гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 33-42.

6. Плесканюк Т.Н. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения // Мир языков: ракурс и перспектива: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 62-81.

7. Плесканюк Т.Н. Однокорневые словообразовательные последовательности как средство формирования текстовой связности // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 119-129.

UDC 811.161.1.

Posidelova V.V. Features of substandard vocabulary and its functioning in the Russian language

Особенности сниженной лексики и ее функционирования в русском языке

Posidelova Victoria Viktorovna

The Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov - on-Don
v_posid@bk.ru

Посиделова Виктория Викторовна

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону

Abstract: The article deals with current issues of invective language. It is carried out a general analysis of invective Russian vocabulary features based on semantic and lexical and thematic classification of invectives. The author emphasizes the importance of context and characteristics of language communication in determining the degree of offensiveness of words.

Keywords: substandard vocabulary, invective, invector, invectum, obscene vocabulary, everyday discourse, expressiveness, verbal aggression, verbal conflict.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы сниженной лексики (инвектив), проводится общий анализ ее особенностей на основе семантико-лексической и тематической классификаций. Подчеркивается значимость контекста и особенностей языковой коммуникации при определении степени оскорбительности слов.

Ключевые слова: сниженная лексика, инвектива, инвектор, инвектум, обценная лексика, бытовой дискурс, экспрессивность, вербальная агрессия, речевой конфликт.

Размывание границ духовно-нравственных ценностей, понижение уровня культуры общения, раскрепощение норм поведения и морали во всем мире являются основными причинами повышенной частотности использования сниженной лексики. Употребление сниженной лексики отражает культурные и духовные ценности носителей языка на ментальном уровне, поэтому ее изучение позволяет определить, какие общественные пороки осуждаются в определенный период развития цивилизации. И вполне очевидно научное внимание лингвистов, проявившееся в последнее время к сниженной лексике. Основанием для такого интереса стали распространенная тенденция к снижению стилей, использование просторечий, жаргонизмов и инвектив не только в бытовой сфере, но и в публицистике и художественной литературе.

В советский период сниженная лексика не изучалась по идеологическим причинам. На данный момент сниженная лексика, инвективы изучаются не только лингвистами, но и социологами, психологами, культурологами и др.

К сниженной лексике принято относить слова и словосочетания, нарушающие нормы речевого этикета и общественной морали (диалектные, жаргонные, просторечные слова и инвективы). Инвективная лексика (от лат. *invectiva (oracio)* – *бранная речь*) – лексика, содержащая в себе намерение обидеть или унижить собеседника.

Инвективная лексика - это слово или ряд лексических (фразеологических) конструкций, употреблённых в резкой форме с целью отрицательной оценки участников общения. В том числе к разряду инвективной лексики относят и различного рода «ругательства», находящиеся за пределами литературного языка и закреплённые словарями как грубые и нецензурные. К неприличным средствам русского языка относятся табуизированные (табуированные) во всех дискурсах слова и выражения: обценные слова (выражения) и речевые обороты с непристойным значением.

Языковые единицы сниженной лексики русского языка классифицируются на мат, нецензурную лексику (обценные слова); лексику со сниженной стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие); грубопросторечную (бранную) лексику; литературную лексику с отрицательной оценкой в презрительной модальности.

Лингвистический анализ сниженной лексики и инвектив доказывает существование универсальных культурных ценностей, выражения агрессии, гнева, отрицательной оценки интеллектуальных способностей, враждебности и презрения. В разных социумах исторически складываются свои критерии оценки поведения и личности, свой менталитет, свой исторический опыт

наблюдения за миром. Можно предположить, что инвективные единицы сниженной лексики напрямую связаны с концептами, составляющими ядро языковой картины мира. «В концепте сконцентрированы многовековой опыт, культура и идеология каждого народа, которые синтезируются и фильтруются в тезаурусе языковой личности.» [1]. Таким образом, инвективы, также как и концепты, являются средством хранения и передачи многовекового опыта народа.

Сниженная лексика может пополняться путем заимствований из других языков, заимствований из жаргонизмов и просторечия, переосмысления и варьирования словарного запаса литературного языка (от нейтрального до оскорбительного в зависимости от характера речевого общения).

Изучение современного состояния сниженной лексики (инвектив) русского языка проходит в разных областях: юридической, психолингвистической, функциональной, прагматической, лингвокультурологической и др., что повлекло за собой несколько подходов к изучению феномена инвективы.

Сниженная лексика представляет собой языковой слой с определенными функционально-стилистическими параметрами, на которые влияют экстралингвистические факторы. Выходя за границы литературного языка, она существует в пределах эмоционально-экспрессивного просторечия. Особая эмоциональность и экономичность единиц сниженной лексики объясняет частоту их использования по сравнению с нейтральными средствами языка.

Главной целью употребления сниженной лексики, инвектив в частности, в разговорно-бытовой сфере является выражение негативного отношения, пренебрежения к предмету, стремление унизить и оскорбить собеседника.

Существует большое количество классификаций инвектив. В зависимости от признака, который положен в основу градации, выделяют: тематическую, семантическую, функциональную и др. Нужно отметить, что все классификации инвектив по тематике и семантике являются условными, что обусловлено подвижностью и диффузностью инвективной лексики. В пределах семантической классификации исследователь А.Ю. Позолотин выделяет следующие **лексико-семантические** группы [2]:

- 1) отрицательные черты характера (*русофоб, жадина, лицемер, стерва*);
- 2) отклонения в здоровье и внешности (*косой, лысый, горбатый, хромой*);
- 3) интеллектуальные недостатки (*тупой, дурак, тугодум, тормоз*);
- 4) отрицательные характеристики поведения (*фашист, расист, кобель, мошенник*);
- 5) отрицательные характеристики образа жизни (*гулящая, бандит, пьющий, вор*);
- 6) уничижительное название человека (*гнусный тип, мразь, лох, гадина*);
- 7) вредные привычки (*алкаш, нарик, обжора, стукач*);
- 8) отсутствие жизненного опыта (*молокосос, зеленый*);
- 9) эмоциональное состояние (*бешеный, припадочный, псих*).

Тематические группы инвективной лексики в русском языке имеют следующую градацию: по гендерному признаку (*чувак, баба, чувиха*), по

социальному происхождению (*мужлан, белая кость, простолюдин, мажор, голубых кровей*), по национальному признаку (*еврей, черномазый, москаль, хохол*), по возрастному признаку (*молокосос, недоросль, старпер, зеленый*), по профессиональному признаку (*мясник, чиновник, коновал*), по политическим взглядам (*коммуняка, дерьмократ, ренегат*), посредством сравнения с животными (зооморфные метафоры - *свинья, осел, овца, лось*), по социальной группе (*колхозник, быдло, бомж*).

Применение зооморфных метафор в речи олицетворяет мифологическую и фольклорную традиции народного сознания, в котором тесно переплелись определенные свойства животных с качествами человеческого характера: *слон – неуклюжесть; черепаха, улитка – медлительность; свинья – грязь, неряшливость* и т. п.

В настоящее время все чаще затрагивается тема взаимодействия человека и окружающей действительности, все чаще звучит вывод, что языковые единицы через коннотативный компонент становятся способом выражения эмоционально-экспрессивного состояния человека.

Эмоционально-экспрессивная окраска сниженной лексики имеет, как правило, уничижительный характер. Эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты встречаются в разных инвективных сочетаниях сниженной лексики. Следует так же различать эмоциональную коннотацию, передаваемую словом, и ответную реакцию человека на слова. Эмоциональная реакция на слово может быть самой неожиданной и глубоко индивидуальной. Совершенно нейтральные слова могут вызвать совсем противоположные чувства: печаль или радость, ненависть или любовь, оскорбление, обиду или благодарность.

Современными лингвистами выделяются следующие группы эмоциональной лексики [3, с. 121]:

1. Слова с интенсивным значением коннотации, которые содержат не только оценку фактов, признаков, но и дающие характеристику людей. Такие слова не имеют переносных значений по причине повышенной эмоциональности.

2. Многозначные слова, которые только в переносном значении приобретают эмоциональный признак, а по своему основному значению - нейтральны.

3. Слова, получающие эмоциональную окраску словообразовательным (аффиксальным) способом, в частности при помощи суффиксов субъективной оценки. Эмоциональность данных слов определена не номинативным значением, а словообразованием.

4. Слова, эмоциональность которых связана с традицией употребления. Здесь очевидна связь с первой группой классификации.

Сниженную лексику можно рассматривать и анализировать с двух сторон: и как лингвистическое явление, и как субъект юридической сферы, т.к. они часто выступают как одно из средств оскорбления. Соответственно отсюда вытекает проблема субъективного восприятия факта оскорбления инвектором (оскорбляющим) и инвектумом (оскорблённым).

Для того чтобы доказать факт нанесения оскорбления - необходимо обосновать наличие умысла у адресанта коммуникативного акта и *инвективный характер* используемых *выражений*. Именно здесь появляется проблемный вопрос двойного восприятия оскорбительного и уничижительного характера инвективной лексики: то, что является уничижительным и обидным для одного коммуниканта речи, совсем не обязательно является таковым для другого.

Ученые отмечают, что употребление в общественном месте нецензурных оборотов может быть безадресным и адресным. В первом случае это приравнивается к мелкому хулиганству (оскорбление общественной нравственности, но не конкретного лица), за которое инвектор может быть подвергнут административному наказанию - штрафу.

Осудить человека за инвективную или обценную лексику, вменив ему оскорбление того или иного лица, можно только при определенных условиях. В частности, для этого высказывание должно быть публично и целенаправленно адресовано лицу или группе лиц, нести в себе прямой умысел на оскорбление и давать обобщенную оценку личности.

Совершенно очевидно, что языковые единицы сниженной лексики (инвективы) содействуют вербализации негативных чувств, которые впоследствии трансформируются в обиду, оскорбление и унижение адресата.

References

1. Гайдукова В.В. К вопросу о логическом анализе языка (на примере концептосферического поля власти) // Relga: электронный научно-культурологический журнал. – 2000. - № 15 [45] [Электронный ресурс]. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1449&level1=main&level2=articles>
2. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2005. – 19 с.
3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1983. С. 121-122.

GERMANIC LANGUAGES

UDC 111.11.1

Dordzhieva E.V. The pragmatic effect of general questions with the direct word order in English

Прагматический эффект общих вопросов с прямым порядком слов в английском языке

Dordzhieva Elena Vladislavovna
Kalmyk state university, Elista
dordjieva@mail.ru

Abstract: This article shows the importance of general questions in the English literary text, explains their role in the pragmatics of the text. Main pragmatic functions of general questions and examples are described.

Keywords: presupposition, pragmatically marked structure, positive answer, negative answer

Аннотация: Данная статья описывает значимость общих вопросов в английском художественном тексте, их роль в прагматике текста. Рассматриваются прагматические функции общих вопросов и приводятся языковые примеры.

Ключевые слова: пресуппозиция, прагматически – маркированная структура, положительный ответ, отрицательный ответ.

Общий вопрос с прямым порядком слов является утвердительно–вопросительным, то есть представляет собой прагматически – маркированную структуру, стимулирующую положительный ответ. В этом типе структуры присутствует сема предположения вследствие прямого порядка слов. Р.С. Трохина отмечает, что прямой порядок слов в общем вопросе играет важную роль, т.к. делает его более содержательным “ибо содержит элементы уверенности в получении положительного ответа” [1] Например:

Inspector: But she became your mistress?

Gerald: Yes. I suppose it was inevitable. [4, p.158]

Walter: You show it to me tomorrow?

Pamela: Yes. [6, p.90]

Или в романе Д. Кьюсак “Скажи смерти “нет!” в разговоре Барта с врачом:

«You had plenty of fresh air sunshine and exercise, I presume?»

«Naturally», Bart was on the defensive. [2, p.76]

Пресуппозиция вопроса с прямым порядком слов, направленная на утвердительный ответ, не является постоянной, а варьируется от низкой до высокой, то есть передает большую или меньшую уверенность спрашивающего в утвердительном ответе. Например:

“You know Adam?” Teddy asked him.

“Do I know who?”

“Adam. In the Bible.”

Nickolson smiled. “Not personally”, he said dryly. [5, p.168]

В данном примере пресуппозиция общего вопроса с прямым порядком слов низка, передает небольшую уверенность спрашивающего в получении положительного ответа, о чем можно судить по следующей фразе, содержащей в себе вопрос – переспрос: «Do I know who?».

Нередко вероятность положительного ответа на вопросы с прямым порядком слов, содержащие сему предположения и давления прямым порядком

слов, не оправдывается.

Эрнест влюблен в Хейзел в пьесе Дж.Б. Пристли “Время и семья Конвей”. Он пытается любыми способами завязать с ней разговор и хочет дать ей понять, что возможно скоро он будет зарабатывать много денег:

Ernest: I bought a share in that paper mill – Eckersley’s – out at West Newlingham – you know it?

Hazel (no encouragement from her): No. [3, p.109]

В следующем примере прагматически – маркированная структура вопроса с прямым порядком слов и результативным союзом «so» выражает настолько высокую уверенность спрашивающего в получении положительной реакции, что адресант не считает необходимым дожидаться утвердительного ответа. В подобных случаях это вопросительное предложение с прямым порядком слов является вопросом-выводом, вопросом-заклчением, как например в пьесе Пристли “Время и семья Конвей”. Сестры Кей и Хейзел встречаются в доме матери миссис Конвей спустя много лет и Кей делает комплимент Хейзел, которая всегда считалась девушкой с самой привлекательной внешностью из всех Конвеев и, несмотря на время, не утратила своей красоты:

Key: Hazel, my dear, you are grander every time I see you.

Hazel: So you like it? Is Joan here? [3, p.89]

Таким образом, общий вопрос с прямым порядком слов, представляющий собой прагматически-маркированную структуру, стимулирует положительный ответ. Пресуппозиция вопроса с прямым порядком слов, направленная на утвердительный ответ, колеблется от низкой до высокой, а иногда и вовсе не оправдывается. Общие вопросы с прямым порядком слов используются говорящим для того, чтобы сделать вывод, подвести итог или воздействовать на собеседника с целью получения положительного ответа.

References

1. Трохина Р.С. Структурно-функциональные характеристики общего вопроса в английском языке // Романо-германская и славянская филология. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. - С.123-126.
2. Cusack D. Say No To Death. – Kiev, Dnipro, 1976. – 381p.
3. Priestley J.B.1 Time And The Conways. – М.: Высшая школа, – 1989. – 203p.
4. Priestley J.B.3 An Inspector Calls. – М.: Высшая школа, – 1989. – 203p
5. Salinger J.D.2 Nine Stories. – Moscow, Progress, 1982. – 437p.
6. Shaffer P. Five Finger Exercise. – In: “Modern English Drama”. Raduga Publishers, – М., 1984. – P.P.33-157.

UDC 821.111-26; 82-2

Krylova N.V., Melnikova A.I. Sound Symbolism in Walt Whitman's and Stephen Crane's Civil War Poetry

Звукосимволизм в поэзии гражданской войны Уолта Уитмена и Стивена Крейна

Krylova N.V.

nkrylova@sampo.ru

Melnikova A. I.

alenchka170693@mail.ru

Petrozavodsk State University,
Institute of Foreign Languages

Крылова Надежда Владимировна

Мельникова Алена Игоревна

Петрозаводский государственный университет,
Институт иностранных языков

Abstract: The article throws light upon the use of sound imagery in the American Civil War poetry of Walt Whitman and Stephen Crane. The author studies and highlights the elements of similarity of the poetic form as well as thematic and aesthetic preferences in the poems of Whitman and Crane of that period.

Key words: sound imagery, sound instrumentation, free verse, Walt Whitman and Stephen Crane, American Civil War.

Аннотация: В статье рассматривается творчество Уолта Уитмена и Стивена Крейна с позиций использования звуковой символики в цикле произведений, посвященным событиям гражданской войны в США. Выявляются аспекты формального сходства и тематических и иных расхождений в использовании звуковой инструментовки в формировании эстетической информации поэтического текста.

Ключевые слова: звуковой символизм, звуковая инструментовка, верлибр, Уолт Уитмен и Стивен Крейн, гражданская война в США.

Profoundly different as they are, both Walt Whitman and Stephen Crane widened the possibilities of poetic diction and broadened the poetic subject-matter. American Civil War literary heritage includes different forms, both popular and sophisticated, in which the authors expressed their horror at the bloodshed and commemorate the dead in verse. Poetry and prose of the period and of the years that followed to a great extent shaped the meaning of the war for those who had lived through it [1].

Though in his short life Stephen Crane was never a soldier, his novel *The Red Badge of Courage* was commended by Civil War veterans as well as veterans from more recent wars not only for its historical accuracy but its ability to capture the psychological evolution of those on the field of battle. Walt Whitman, on the other hand, served as a field medic during the Civil War. He was exposed perhaps to the most gruesome aspect of the war on a daily basis: the primitive medical techniques, the wounded, the diseased, the dying and the dead. Out of his experiences grew a collection of poems, *Drum Taps*, describing the horrors he had witnessed and that America had suffered. As literary artists, a wide chasm of structure and style

separates Crane and Whitman. The common cultural experience, the heritage of the Civil War connects them, throwing a bridge across the darkness, allowing them, unilaterally, to dispel notions of glorious battles and heroic honorable deaths. By examining forty poems from Crane's *The Black Riders* (1895) and *War Is Kind* (1899) and the same amount of texts from *Drum Taps* (1865) and *Leaves of Grass* (1855) by Whitman, both fundamental literary differences and essential thematic consistencies emerge.

Whitman is well-known for his introduction of free verse into American poetical tradition. Ornamentation did not appeal to Whitman, he believed that the verse should unfold naturally. He also highlighted the fact that the sound in verse has a minor role. Nevertheless, the conventional poetic devices and sound are revealed in his poems. Several of his works have been even compared to symphonies and operas [2;161]. Whitman neglected two kinds of repetition —rhyme and meter, he was achieving naturalness of his poetry by avoiding stanza and enjambment. In order to create the essential sound effects he relied on alliteration, assonance, onomatopoeia on phonetic level. One of the Whitman's biographers, Justin Kaplan, gives an explanation to that: «To sing the song of himself, his nation, and his century, he had cut himself loose from conventional themes, stock ornamentation, literary allusions, romance, rhyme — anything that existed for the sake of tradition alone and reflected alien times, alien cultures» [3;21].

Beat! Beat! Drums has a great audio potential, through onomatopoeic usage that creates the sense of slogans and marching rhythm [4;308]:

Beat! beat! drums!-Blow! bugles! blow!

The overall tone of the poem is in tune with the tone of the book of poems on the whole, where the selection of sounds corresponds to its expressive effect maintenance works. The predominance and alternation of consonants [s], [p], [r] (alliteration) creates a sense of equality and justice. The emotional coloring is enhanced by the use of the vowel [i:] (assonance):

«Over the **traffic** of cities—over the **rumble** of **wheels** in the **streets**:
Are beds **prepared** for **sleepers** at night in the houses? No **sleepers**
must **sleep** in those **beds**»

In that way, the selection of sound correspondences, helps to awaken the reader to action, the emergence of certain emotions and associations. The poem is in free verse, so the meter is variable. Whitman imitates the orderly beating of the drums and combines it with free verse, thus creating a metonymic image: the beating of drums and the blowing of bugles represent the marching army.

The most powerful symbolic depiction is to be found in the pastoral elegy dedicated to Abraham Lincoln's death by Walt Whitman *When Lilacs Last in the Dooryard Bloom'd* [4;351]:

In the swamp in secluded recesses,
A **shy and hidden bird** is **warbling a song**...
When **lilacs** last in the dooryard bloom'd,
And **the great star** early droop'd in the western sky in the night,
I mourn'd, and yet shall mourn with ever-returning spring.
Ever-returning spring, trinity sure to me you bring,

Lilac blooming perennial and drooping star in the west,
And thought of him I love.

There appear to be three main symbols — «the lilac», «the great star» and «the song of a swamp-hidden bird». Visual imagery is a big part of Whitman's writing. The lilac blossoms, heart-shaped flowers, symbolize the poet's love and admiration of the president. Throughout Whitman's poetry flowers, plant life in general, symbolize life and procreation. The evening star symbolically represents Lincoln or all the dead people. The image of a beautiful star immediately enters into the consciousness of the poet as a symbol of a wonderful man who died for their country, for the freedom. Whitman hears the voice of nature (bird's song), which echoes in his heart.

War Is Kind by Stephen Crane is also written in free verse. We can see, or rather hear, the sound of drums here [5;172]:

Hoarse, booming drums of the regiment,
Little souls who thirst for fight,
These men were **born to drill** and **die**

What is intrinsic to Crane is him being laconic in each line. Short clauses sound like bullets firing in succession. *To drill* in this poetic context means *to march*. The word is obviously chosen not just for the sake of its metaphoric expressiveness but also for its acoustic value. Soldiers are being “drilled”, in other words are led to pointless ruthless slaughter, like cattle. Euphony in this verse is created through the use of contextual onomatopoeia and alliterations rendering the theme of the doom of war. The drums are «hoarse» as they must have been used a lot and therefore have lost the full volume of their voices, and yet they «boom» which means they sound like bombs, they are still murderous. Alongside the sounds of the battlefield we hear the military man barking orders: «Point! Make plain! Yes, sir». It's a full acoustic picture of the war.

In poem № 117 (*Unwind my riddle*) the poet achieves a similar effect with the help of assonance: repetitions of the diphthong [ai] create the rhyming, and due to that the riddle becomes capacious and expressive [5;266]:

Unwind my riddle.
Cruel as hawks the hours **fly**;
Wounded men seldom come home to **die**;
The hard waves see an arm flung **high**;
Scorn hits strong because of a **lie**;
Yet there exists a mystic **tie**.
Unwind my riddle.

Some auditory images are common for both the poets. This is true for the sounds of the bells in Whitman's *O Captain! My Captain!* [4;359]:

«O Captain! my Captain! rise up and hear the **bells**;
Rise up-for you the flag is flung-for you the **bugle trills**»

and sounds of the swords in Crane's *Blue Battalions* [4;166]:

The clang of swords is Thy wisdom,
The wounded make gestures like Thy Son's

In Crane's poem № 14 (*There was crimson clash of war*) from the book of poems *The Black Riders* the metaphoric portrayal of human sufferings is interwoven with rich sound imagery [4;46]:

There was **crimson clash** of war.
Lands turned **black and bare**;
Women wept

There is no metrical regularity here, the only repetitive elements are the sounds of the battle and women's weeping: the war is not kind after all, people get murdered in massive numbers, the earth becomes barren from the «crimson clash of war». Crane's decision not to confine his poem to one specific meter, coupled with auditory images mimics the chaos and irregularity of war.

The close consideration of symbolism in the poetry of Walt Whitman and Stephen Crane demonstrates the presence of different kinds of accords, techniques, as well as images and symbols. The latter evoke a world that is at once metaphorically and existentially constrictive. The principal concrete symbols in the texts under analysis are sound images of the battle, marching, beating drums and women's weeping. Even though Whitman and Crane are united by a humanistic theme, they are separated by the rendition of it. Crane's perception of a modern man is characterized by a painful sensation of reality, bitter irony, restraint of feeling and spaciousness. Whitman's generation pinned great hopes on humanist aspirations, while Crane's generation experienced the collapse of hopes and illusions. However both the poets use auditory imagery to ensure credibility to the scene they are setting and to emphasize the disruptive and destructive power of war – something that antebellum literature of such caliber is supposed to do.

References

1. <http://dcc.newberry.org/collections/literature-of-the-american-civil-war> (retrieved April 23rd, 2016)
2. James T. Callow and Robert J. Reilly. *Guide to American Literature From Its Beginning Through Walt Whitman*: 1976. — 244 p.
3. Kaplan Justin. *Walt Whitman: a life*. Originally published: New York: Simon and Shuster, 1980. — 431 p.
4. Murphy Francis. *Walt Whitman The Complete Poems.*: Made and printed in Great Britain by Hazell Watson & Viney Ltd, Aylesbury, Bucks, 1977. — 894 p.
5. Кудрявицкий А.И. Крейн Стивен. Полное собрание стихотворений в пер А. Кудрявицкого. — Чебоксары: "Медиум", 1994. — 360 с.

UDC 81'25

Tatarnikova I.V., Sheremeteva E.V. French toponyms as the reflection of interlanguage contact in the state of Louisiana

Франкоязычные топонимы как проявление межъязыкового контакта в штате Луизиана

Tatarnikova Irina
Crimean Federal University, Simferopol
tatarnikova.i@ukr.net
Sheremeteva Ekaterina
Crimean Federal University, Simferopol
ksheremeteva@mail.ru

Татарникова Ирина Викторовна
Крымский федеральный университет, г. Симферополь
Шереметьева Екатерина Валериевна
Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Abstract. The article deals with the study of manifestation peculiarities of the English-French interlanguage contact in the state of Louisiana and its impact on the regional toponymic situation. It stipulates that the gradual changes of the ethnolinguistic idiosyncrasy of the population of the state and the remoulding of the language policy after the accession of Louisiana to the USA have created the extralinguistic context which is to be considered in the analysis of French toponymic nominations. Among the results there is a description of the main tendencies of the formation of the French toponymy of the state and the most recurrent lexico-semantic groups of toponyms.

Keywords: linguistic situation, bilingualism, Louisiana, toponymy, toponym

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики проявления англо-французского межъязыкового контакта в штате Луизиана и его влияния на региональную топонимическую ситуацию. Указывается на то, что постепенные изменения этноязыкового состава населения штата и переориентация языковой политики после вхождения Луизианы в состав США создали экстралингвистический контекст, который необходимо учитывать при анализе франкоязычных топонимаций. В статье рассмотрены основные тенденции образования франкоязычной топонимии штата, описаны ее наиболее репрезентативные лексико-семантические группы.

Ключевые слова: языковая ситуация, билингвизм, Луизиана, топонимия, топоним

Одной из актуальных проблем современной лингвистики в условиях глобализации является изучение топонимических систем в полиэтничных сообществах, где в качестве наиболее функционально нагруженного компонента выступает американский вариант английского языка.

Объект исследования в данной статье - специфические особенности франкоязычных топонимаций в южном штате США – Луизиане (англ. Louisiana), которая характеризуется своеобразными проявлениями межъязыкового контакта. Для целей исследования из справочных источников [2; 4; 5] было отобрано 140 франкоязычных топонимаций, включающих в себя ойконимы и гидронимы Луизианы.

Как показывает анализ языковой ситуации в диахронии, начиная с конца XVII века, подавляющее большинство населения штата было франкоговорящим. Данное обстоятельство, а также последующие изменения этноязыкового состава населения наложили свой отпечаток на формирование социально-коммуникативной системы данного региона в целом и его топонимического корпуса в частности.

Согласно данным переписи населения США 2007 года [3], 93% жителей штата считают родным языком английский, и всего лишь 7% используют

французский в качестве средства общения. Описывая нынешнюю языковую ситуацию в США, следует отметить, что она складывается из сложных по своей структуре отношений между американским вариантом литературного английского языка (доминирующим компонентом), с одной стороны, и его различными региональными подсистемами, а также территориальными разновидностями миноритарных языков (в данном случае речь идет об испанском и французском языках), которые ограничены определенным территориальным ареалом либо социальной средой, с другой стороны.

В связи с этим вполне обоснованной является точка зрения А.Д. Швейцера, который указывает на то, что в современной языковой ситуации в США сочетаются как экзогlossные, так и эндогlossные отношения между формирующими эту ситуацию языковыми системами и подсистемами [1, с. 37]. Такой вывод, дающий общее представление об усредненных параметрах оценки языковой совокупности на территории США в целом, можно экстраполировать и при описании языковой ситуации в Луизиане, однако при этом следует отметить, что индекс экзогlossности в данном штате выше, чем в среднем по стране.

Данная особенность языковой ситуации имеет исторические и политические причины и связана с тем, что в период с 1682 г. по 1762 г. и с 1800 г. по 1803 г. территория Луизианы (фр. *Louisiane*) входила в состав французских колониальных владений на Североамериканском континенте, которые назывались Новая Франция (фр. *Nouvelle-France*), что нашло отражение в появлении множества франкоязычных топонимов. Англизация топонимии, сопровождавшаяся исчезновением некоторых французских названий, началась после вхождения Луизианы в состав США и проявилась в виде переименования детерминирующего компонента топонимов.

Наличие билингвизма в условиях англо-французского межъязыкового контакта является одной из отличительных особенностей современной языковой ситуации штата Луизиана. При этом формы существования французского языка в пределах данного ареала представлены стандартным французским языком, франко-креольским языком, а также особой формой французского языка, которая называется «каюн» или кадийская /акадийская разновидность французского языка (фр. *français cadien / français cadjin*, англ. *Cajun French*) [6, с. 28]. Анализ специальной литературы свидетельствует о наличии набора характеристик на разных уровнях языковой системы, которые индицируют особый статус вышеуказанных языковых форм.

Американский вариант английского языка, представленный общеамериканским и южноамериканским типами произношения, является в штате Луизиана доминирующим, де-факто официальным и наиболее востребованным средством коммуникации как в официальной сфере общения, требующей использования кодифицированных языковых форм, так и неофициальных сферах, характеризующихся разнообразными фонетическими и лексико-грамматическими формами просторечия. Особое место в языковом спектре Луизианы занимает англоосновный каюн (англ. *Cajun English* или *Cajun Vernacular English*), который является своеобразным симбиозом

ненормированного американского просторечия и франкоосновного каюна.

Стандартный французский язык представляет собой вторую по степени употребления форму существования языка, которая выступает в качестве нормы по отношению к акадийской разновидности французского языка. Что касается франко-креольского языка Луизианы, то эта народно-разговорная разновидность занимает низшую ступень в языковой иерархии и ориентируется в основном на акадийский региональный вариант французского языка. Особое функциональное распределение регионально-маркированных разновидностей языков во франкоговорящей Луизиане представляет собой пример того, что А. Вальдман называет *diglossie enchâssée* или *double-nested diglossia* («взаимопроникаемая диглоссия») [6, с. 109]. Это связано с тем, что, различные по своему субстрату формы французского сегмента языкового спектра (стандартный французский язык, каюн и франко-креольский язык) находятся в отношении диглоссии друг с другом. При этом схемы сочетаемости разных форм существования языка могут быть весьма разнообразными.

Стандартный французский как язык используется в официальных ситуациях и для деловой переписки. Использование же каюна и франко-креольского языков ограничено более узкими сферами (семья, быт). Луизианский каюн, который может рассматриваться как особый регионально-маркированный вариант французского языка, выступает в качестве родного языка для значительных групп населения и выполняет роль субстрата по отношению к тем языкам, к которым могут дополнительно обращаться данные группы. В штате Луизиана каюн тесно сосуществует с франкоосновным креольским языком и оказывает на него своё влияние.

Французский язык Луизианы находится в отношении диглоссии с доминирующим в этом ареале английским языком, который все чаще используется в областях, которые ранее были предназначены только для французского языка.

На основе анализа топонимических номинаций, представленных на исторических картах Луизианы, и этимологии топонимов из экспериментального корпуса была составлена следующая классификация франкоязычных топонимов штата Луизиана, отображающая основные тенденции образования франкоязычной топонимии штата:

1) топонимы, одним из компонентов которых являются словообразовательные частицы, свойственные французскому языку: *Dulac – du lac* – «озеро», *Lacombe – la combe* – «овраг», *Larose – la rose* – «роза» (эти топонимы образованы путём сращения определенного артикля и существительного);

2) топонимы, представляющие собой реалии французской культуры: *Dime* – «десятина», *Florien* – «флорин, денежная единица во Флоренции». В эту группу также включены многочисленные топонимы, связанные с именами святых – *St. Helena*, *St. Martin* и др. Есть основания для включения в эту группу топонимов, образованных от фамилий известных французов (людей, которые известны французской культуре в целом): *Lafitte*, *Lafayette*, *Louisville*, *Napoleonville* и др.;

3) топонимы, произошедшие от фамилий или имён первооткрывателей или правителей, т.е. от французских фамилий, например: Thibodaux - в честь Н.С. Thibodaux, профессора и политического деятеля; Iberville – в честь Pierre le Moynes Iberville, строителя первого форта на Миссисипи; Lake Charles - в честь Charles Sallieur, первого поселенца на берегах этой реки;

4) топонимы, которые были образованы с помощью калькирования или транслитерации существовавших до прихода французов названий, например: Baton Rouge - «красная палка», Catahoula bay – название местного племени;

5) топонимы, появившиеся до 1803 года (продажа Луизианы) и сохранившие свой облик, т.е. французские слова, в которых детерминирующее слово типа “lake”, “river” пишется на английском языке или отсутствует, а семантическая часть, т.е. само название, является исконно французским словом или словом, возникшем в луизианском языковом пространстве, например: Bayou, Belle Chasse - “good hunting”;

6) топонимы, переименованные на английский манер, однако чье французское происхождение можно проследить на исторических картах, например: англ. Fort Assumption от фр. Fort De L'Assomption, англ. New Orleans от фр. La Nouvelle-Orléans.

По результатам анализа лексико-семантической структуры франкоязычных топонимов Луизианы было выделено несколько типов топониминаций.

Оппозиция “grand”/ “petit” представлена топонимами: Grand bayou, Grand Cheniere, Grand Isle, Grand Coteau, Petetin.

Оппозиция “bel” / “mauvais” представлена в основном формантами, которые несут положительную оценку (“bel”, “belle”; “bon”, “bonne”): Belle Rose, Belle Chasse, Bellevue, Bienville, Belle Helene, Belle Alliance, Belle River, Belle Terre, Belle d'Eau, Terrebonne Parish, Bon Ami, Bayou Bonne Idee.

Лексема “bel” имеет несколько значений («красивый», «хороший»), лексема “bon” также является полисемичной («хороший», «правильный», «удачный» и т.д.), поэтому без этимологического анализа достаточно сложно сказать, какое именно из значений скрывается за данными формантами. Форманты “bel”, “bon” являются ядром образований данного типа. Антонимичные форманты отрицательным значением (“laid” и “mauvais”) не зафиксированы, что говорит о предпочтении положительной оценки в акте номинации.

Категория цвета представлена, в основном, топонимами, связанными с красным цветом: Red River, Meer Rouge, Baton Rouge.

На карте Луизианы было зафиксировано значительное количество топонимов, указывающих на имя святого или посвященную ему церковь: Bertrandville, Saint Nertrand, Saint John, the Baptist, Saint Mary, Saint Martin. Такой способ топообразования является весьма продуктивным в системе микротопонимии: населенные пункты не имеют собственного названия, а перенимают его у церкви или собора, представляющего центр духовной и, зачастую, материальной культуры, например: Bayou Bartholomew.

Некоторые топонимы относятся к группе культурно-маркированных

топонимий, например, *Chandeleur islands* - бухта и острова на побережье Луизианы, названные так, потому что они были открыты в праздник, посвященный Деве Марии, который называется *Candlemas* или *Chandeleur day*.

Французские первопоселенцы испытывали трудности в обработке и расчистке земли под пашни, поэтому многие занимались добычей пушнины, приносящей хороший доход. В связи с этим в луизианском топонимиконе значительное место занимают регионализмы, связанные с флорой и фауной. В качестве примеров флористических топонимий можно привести: *Plaquemines* - приход и город, названные так из-за огромного количества хурмы (фр. *Plaqueminier* - хурма), растущей там; *Pointe-aux-Chenes* - район с дубовыми рощами, городок *Chataignier* от фр. *chatagnier* - «каштан». Большую группу представляют анималистические топонимы с компонентом, означающим животных: *Mink Bayou*, *Cocodrie* - креольское луизианское название, означающее «аллигатор» (Кокодри - город на побережье, издавна здесь процветал рыболовный промысел: ловили креветок, рыбу, крабов; в этой местности также водятся аллигаторы), *Serpent (Bayou Serpent)* («змея»), *De Loutre* («выдра»).

Составной частью луизианской топонимии являются топонимы, связанные с физическим размером, особенностями формы географического объекта, а также теми ассоциациями, которые объекты вызывали у французских поселенцев: *Pointe a` la Nache* - «шип топора», *Chalmette* - «земля пастбищ».

Lake Misere - «ничтожное озеро», названное так, вероятно, по причине того, что озеро плохо наполнялось водой. *Balize* - город, название которого происходит от французского слова “*balize*”, т.к. все дома были построены на насыпях. *Fausse-Rivière* - деревня, называется так, потому что ранее была расположена в устье реки Миссисипи. Сейчас устье находится в другом месте. *Lake Borgnee (one-eyed)* можно рассматривать как дефективную реку, но фактически это была не река, а бухта, огражденная от большой воды множеством островов. *Anse La Butte* - «бухта кургана».

В семантической структуре некоторых луизианских топонимов встречаются эстетические и эмоциональные оценки: *Bon Ami* - «дорогой друг», *Paradis* - «рай», *Merryville* (англ. *merry* - «веселый»), *La Réussite* («успех»).

Топонимы-посессивы, как правило, включают компоненты с фамилиями известных французов (*New Orleans* - в честь герцога Орлеанского; *Jean Lafitte* - известный пират; *Lafayette* - маркиз де Лафайет), местных правителей, плантаторов (*Mandeville* - в честь Бернарда Ксавье де Мандевилля; *Carondelet* - в честь одноименного правителя; *Thirbodaux* - в честь Н.С. *Thirbodaux*; *Maurepas* - озеро, названное в честь Фредерика Филиппи, графа Маурепаса; *Ponchatrain* - озеро, названное в честь французского графа, который был ранним исследователем долины Миссисипи; *Shreveport* - город был назван в честь *Henry M. Shreve*, известного американского изобретателя и мореплавателя).

В названии некоторых населенных пунктов Луизианы использованы французские фамилии поселенцев, живших там ранее, например: *Rousseau* (*Rousseau* - французская фамилия, этимологически - прозвище кого-либо с рыжими волосами, уменьшительное от *Roux* - «красный»), *Loisel* (*Loisel* от

старофранцузского *oiseil* - «птица», этимологически – «птицелов», или прозвище маленького человека, похожего на птичку), *Leleux* (*Leleux* - прозвище опасного человека, со старофранцузского *lou, leu* «волк» от лат. *lupus*).

Следует отметить, что помимо традиционных французских имён, в штате есть множество населенных пунктов, носящих антропонимические названия из других культур: *Augusta, Lilie, Marion, Catherine*.

В региональный топонимикон штата входит группа топонимов, указывающих на природную особенность водных путей, характеризующихся изменчивым руслом со множеством разнообразных стариц и развилки: *Fourchon, Lafourche, Grandes Fourches* (теперь - *Grand Forks*).

Имеются также названия в честь городов и графств Франции, например: *Marceaux* (вариант произношения: “*Marcel*”), *Savoie* от французского города Савоя, *Châtellerault* от Шательро - города во Франции, название которому дано было в честь одноименного замка.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что постепенное сужение сферы функционирования луизианского французского, передающегося из поколения в поколение в качестве семейно-бытового разговорного языка, его влияние на произносительные особенности локально-маркированной разновидности американского варианта английского языка, наложили своеобразный отпечаток на топонимическую ситуацию в данном регионе. С одной стороны, новые топонимы на карте Луизианы получают названия в соответствии с английскими нормами, с другой стороны, на карте остаются франкоязычные топонимы, чье происхождение датируется XVII, XVIII, XIX веками, а их произношение представляет собой симбиоз произносительных норм американского варианта английского языка и луизианского французского языка.

References

1. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
2. Gannett H. *The Origin of Place Names in the United States* / H. Gannett. - Washington (D.C.) : Govt. Print. Off., 1905. - 563 p.
3. *Languages spoken at home by English-speaking ability* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.census.gov/compendia/statab/2012/tables/12s0053.xls> (дата обращения: 09.03.2016).
4. Leeper C.D’A. *Louisiana place names* / C.D’A. Leeper. - Baton Rouge : Louisiana State Univ. Press, 2012. – 293 p.
5. *List of U.S. Place Names of French Origin* [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_U.S._place_names_of_French_origin
6. Valdman A. *The structure of Louisiana Creole* / A. Valdman // *French and Creole in Louisiana*. – NY. : Plenum Press, 1997. – P. 109-144.

Scientific edition

RELEVANT THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF MODERN SCIENCE OF LANGUAGES

Materials of the I international research
and practice conference

April 30th, 2016

Please address for questions and comments for publication as well as
suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the author's original texts

ISBN: 9781311109866

Format 60x84/16. Conventional printed sheets 3.3.
Circulation 500 copies

The publisher Sole proprietorship N.A. Krasnova
Adress: USA, Los Gatos (CA) 15951 Gatos Blvd.,
Suite 16 Los Gatos, CA 95032